

Культурный капитал в корпоративных и мемориальных практиках французских чиновников

С. К. Цатурова

Для цитирования: Цатурова С. К. Культурный капитал в корпоративных и мемориальных практиках французских чиновников // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 447–462. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.208>

Статья посвящена исследованию дарений книг по завещаниям королевских должностных лиц в Париже на рубеже XIV–XV в. Тема статьи опирается на новые подходы к анализу места культуры в оформлении социальных групп средневекового общества. Она вписывается в «новую социальную историю», социологию культуры и историческую антропологию. Соединение в одном исследовательском поле социальной истории и истории культуры позволяет по-новому взглянуть на роль культурного капитала в корпоративных и мемориальных практиках французских чиновников. Через призму дарений книг раскрываются особенности социальной группы французских чиновников, способы их консолидации и самоидентификации. Исследование основано на единственном сохранившемся в архиве Парижского парламента регистре завещаний. Из всего корпуса в 236 завещаний были выделены те, которые составлены королевскими чиновниками, бывшими или нынешними (121 текст). Анализ упоминаний о книгах и адресатов их дарений позволяет сделать следующие выводы. Книга играла важную роль в стиле жизни и повседневном быту чиновников. Многие из них имели помещения для хранения книг. Библиотеки чиновников пополнялись, среди прочего, за счет книг, взятых в залог, за долги, в оплату услуг. Дарения книг по завещаниям имели различные цели, которые были тесно взаимосвязаны. Главная особенность дарений заключалась в четком прагматизме — стремлении отдать книгу в руки профессионалов. Этими адресатами были ближайшие родственники завещателя, особенно студенты, его коллеги, душеприказчики и друзья. Такие дарения показывают стратегию сохранения и приумножения культурного капитала внутри узкого круга лиц. Эту же цель преследовали дарения книг университету и коллегам. Вместе тем основной целью дарений книг, как и иных распоряжений по завещанию, было спасение души завещателя и сохранение долгой памяти о нем. Использование для этих целей книг показывает специфику самоидентификации и корпоративной памяти французского чиновничества.

Ключевые слова: Франция позднего Средневековья, чиновники, завещания, дарения книг, корпорация, memoria.

Сусанна Карленовна Цатурова — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Институт всеобщей истории Российской академии наук, Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А; tsaturova@igh.ru

Susanna K. Caturova — Doctor in History, Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32A, Leninskii pr., Moscow, 119334, Russian Federation; tsaturova@igh.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Cultural Capital in Corporate and Memorial Practices of French Royal Officers

S. K. Caturova

For citation: Caturova S.K. Cultural Capital in Corporate and Memorial Practices of French Royal Officers. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 2, pp. 447–462. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.208>

The paper concerns donations of books on wills of Royal officers in Paris at the turn of 14th–15th centuries. The subject of the article relies on new approaches to the analysis of the place of culture in social groups formation of medieval society. Through donations of the books the specificity of French officials as social group, including methods of their consolidation and their identity, is revealed. The study is based on the only surviving register of wills in the archives of the Parliament of Paris. From the entire body of 236 wills, there have been selected those written by Royal officers, former or current (121 texts). The book played an important role in the lifestyle and everyday reality of the officials. Many of them had storage space for books. Libraries of the officials were increased by the books taken as pledge, for debts, as payment for services. The main feature of the donations was a clear pragmatism of the intention of giving the book to professionals. These recipients were close relatives of the testator, especially students, his colleagues, executors and friends. Such donations show a strategy for the preservation and augmentation of cultural capital within a closed society of Royal officers. However, the main purpose of donations of the books and other orders under the will, was the salvation of the soul of the testator, and preservation of memory about him. The use of the books shows the specificity of identity and corporate memory of the French bureaucracy.

Keywords: France of the late Middle Ages, Royal officers, wills, donations of books, corporation, memoria.

Обновление методологии исторического знания во второй половине XX — начале XXI в. в мировой исторической науке, в том числе в отечественной медиевистике, способствовало новому взгляду на место и роль культуры в развитии общества. Анализируя этот процесс, Н. А. Хачатурян обратила внимание на «принципиально иное понимание соотношения материального и духовного», разработанное в середине XX в. школой «Анналов», благодаря которому была преодолена «антиномия материального и идеального» и был найден способ их сопряжения в единой ткани исследования¹. Эти новые подходы затронули многие области исторического знания, породив и «новую социальную историю», и новаторскую социологию культуры, а также способствуя обращению к картине мира средневекового человека как важному фактору общественного развития².

Сопряжение в едином исследовательском поле прежде таких разных областей исторического знания, как социальная история и история культуры, позволяет по-новому взглянуть на стратегии оформления, консолидации, воспроизводства и самоидентификации различных социальных групп через призму их культурных и мемориальных практик. В русле этого подхода французский социолог Пьер Бур-

¹ Об этом обновлении отечественной медиевистики и ее основных направлениях см. подробнее: Хачатурян Н. А. Современная медиевистика России в контексте мировой исторической науки // Средние века. Вып. 62. М., 2001. С. 195–212.

² О месте культуры в обновлении социальной истории см. подробнее: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.

дѣ предлагал рассматривать социальное пространство как «пространство стилей жизни» различных групп, а культурный капитал уравнивал с другими видами капиталов (экономическим, социальным, символическим и т. д.) в качестве сущностного компонента конституирования и идентификации этих групп³.

Именно такой подход используется в данной статье, посвященной анализу дарений книг по завещаниям французских королевских чиновников высшего звена на рубеже XIV–XV вв. как отражения специфики формирующейся социальной группы слугителей короны Франции с их особой культурой и системой ценностей. Данный ракурс исследования позволяет рассмотреть одновременно две взаимосвязанные проблемы.

Во-первых, он дает возможность глубже постигнуть специфику складывающегося во Франции в позднее Средневековье социального слоя чиновничества. В это время повсюду на Западе идет процесс усиления верховной светской власти, обретения ею публично-правового характера и складывания национальных монархий. Данный процесс был неотделим от формирования новой социальной группы чиновников, прежде всего юристов и судейских как «передового отряда» нового воинства — слугителей власти⁴. Довольно быстро эта группа во Франции оформляется в отдельную сословно-корпоративную страту со своими правами, привилегиями, групповой солидарностью, культурой и нормами поведения⁵.

Во-вторых, благодаря сопряжению в едином поле исследования социальной и интеллектуальной истории раскрываются особенности французской культуры эпохи позднего Средневековья под воздействием процесса складывания национального государства, на службе которому были востребованы образование, знание и книга как их неотъемлемая составная часть⁶. Культура по своей природе всегда была объединяющим фактором, создавая общность приобщенных к ней людей; в особенности такая тенденция характерна для гуманизма. Важно при этом, что чиновная культура имела ряд существенных особенностей. Для занятия большинства должностей необходимо было получить юридическое образование — в области канонического или гражданского права, а лучше «обоих прав». Кроме того, для составления королевских указов нужны были знания риторики и умение пользоваться высоким стилем с опорой на самые новаторские политические идеи. Ведь именно королевские чиновники разрабатывали, внедряли и отстаивали новые идеи суверенитета монархического государства, публично-правового характера верховной власти, принципы справедливости и милосердия как сути служения

³ Бурдьё не раз писал о культуре как факторе конституирования социальных групп, считая это символическим выражением особенностей каждой страты. См.: *Бурдьё П.* Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. Н. А. Шматко. М.; СПб., 2007.

⁴ Комплексное исследование этой обширной проблемы см. подробнее: *Цатурова С. К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012.

⁵ Эти тенденции, по мнению Н. А. Хачатурян, отражали присущие средневековому обществу полицентризм и коллективное начало. См. подробнее: *Хачатурян Н. А.* Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 31–45.

⁶ Показателен вывод исследователей, что самые значительные собрания книг во Франции XV в. принадлежали именно слугителям закона и королевским чиновникам (*Charon A.* Usages du livre en France au XVe siècle // *Pratiques de la culture écrites en France au XVe siècle: Actes du Colloque international du CNRS, Paris, 16–18 mai 1992 / éd. par M. Ornato et N. Pons.* Louvain-la-Neuve, 1995. P. 464).

монарха. Эти насущные задачи службы способствовали складыванию целого поколения ранних французских гуманистов внутри королевского аппарата власти, прежде всего в Парижском парламенте и Канцелярии⁷. И культура играла в этой среде роль социального маркера, являясь одной из важнейших форм самоидентификации чиновников.

Наконец, в статье предлагается особый ракурс сопряжения социальной и интеллектуальной истории, а именно через призму дарения книг по завещаниям королевских чиновников. Он представляется весьма перспективным, поскольку одновременно раскрывает внутренний мир человека и его чаяния перед лицом грядущей смерти, особые корпоративные стратегии солидарности и воспроизводства чиновничества, специфику *metoia* данной социальной группы, и все это — с помощью книги, играющей в исследуемой среде многофункциональную роль⁸. Кроме того, дарения книг как стратегия корпоративной солидарности и поддержания памяти о человеке и группе вписываются в общую теорию дара как источника обязательств, а также в контекст универсальных форм укрепления, консолидации и воспроизводства корпораций⁹, тем более что книга как вместилище знания имела в Средние века особый статус. Согласно представлениям эпохи, знание было даром Божиим и его нельзя было продавать («Даром получили, даром и отдавайте»)¹⁰. В этом контексте книги воспринимались преимущественно как коллективная, а не личная собственность; их не следовало накапливать наравне с иными видами имущества, и лучше было дарить, чем продавать.

Не вызывает сомнений сугубая заинтересованность королевских чиновников в обладании книгами. Книги были для них одновременно и рабочим инструментом, и знаком принадлежности к интеллектуальной элите, и опорой социального успеха семьи и рода, но также наилучшим средством сохранить долгую память о себе с помощью различных дарений. Тем более что Париж был с XIII в. интеллектуальным центром Запада, благодаря славе своего Университета, и книжной столицей Европы. Рынок книжной продукции в Париже не имел себе равных ни в одной другой стране в XIII–XV вв.¹¹ Книжные собрания в эту эпоху имели преимущественно статусный характер, будучи уделом знати и элит, однако библио-

⁷ О группе судейских как типе «новых людей», возникших под влиянием складывания монархического государства во Франции XIV–XV вв., см.: *Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval.* Paris, 1970. P. 294–295. О раннем французском гуманизме и месте в нем французских чиновников написано уже достаточно много, поэтому сошлюсь на новаторскую статью зачинателя этого направления Ж. Уи: *Ouy G. Paris, l'un des principaux foyers de l'humanisme en Europe au début du XVe siècle // Bulletin de la Société de l'Histoire de Paris.* 1967–68 (1970). P. 71–98.

⁸ В русле этого социально-культурного подхода ныне исследуются частные собрания книг, раскрывающие как общие черты культуры эпохи, так и характерные для каждого сословия нормы и практики. Подробнее см.: *Hasenhor G. L'essor des bibliothèques privées aux XIVe et XVe siècles // Histoire des bibliothèques françaises.* T. I. Les bibliothèques médiévales du VIe siècle à 1530. Paris, 1989. P. 215–263.

⁹ В исследовании Э. Бенвениста показаны специфика гильдий и формы поддержания корпоративных интересов и ценностей с помощью особых практик (дарений, пиров, праздников и т. п.). См.: *Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов.* М., 1995. С. 64–68. О дарах книг во Франции раннего Нового времени см.: *Zemon Davies N. Beyond the Market: Books as Gifts in Sixteenth-Century France // Transactions of the Royal Historical Society.* 5th Series, N 33. London, 1983. P. 69–89.

¹⁰ Об эволюции статуса интеллектуала и сложном принятии в обществе платы за труд преподавателя см.: *Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. Долгопрудный, 1997 (особенно С. 124–129).*

¹¹ *Matthias Corvin, les bibliothèques princières et la genèse de l'État moderne: Contributions au Colloque international,* Paris, 15–17 novembre 2007 / publ. par J.-F. Maillard et al. Budapest, 2009. P. 28.

тека короля Франции Карла V Мудрого представляла собой не только богатейшее собрание рукописей, но была открыта для придворного окружения и королевских чиновников, которые свободно могли брать оттуда книги¹².

По отрывочным сведениям мы можем судить, какую высокую ценность имели книги в среде королевских чиновников. Наглядным примером погони за книгами, характерной для этой среды, служит поведение Никола де Байя в бытность его секретарем по гражданским делам в Парижском парламенте в 1400–1417 гг. Он всегда фиксировал в протоколах наличие книг в судебных делах и споры вокруг них, никогда не выпускал из рук книг, попавших разными путями под власть Парламента, и всячески препятствовал их изъятию, даже ценой конфликтов со светскими и духовными властями¹³. Как следствие, ему же принадлежит самая крупная (198 наименований) и наиболее обширная по составу частная библиотека эпохи, которой одной хватило бы, по признанию А. Тюетея, чтобы имя Никола де Байя навсегда осталось в истории Франции¹⁴. А при отсутствии следов библиотек таких корифеев раннего французского гуманизма, как Жан Жерсон, Жан де Монтрёй, Никола де Кламанж, братья Гонтье и Пьер Коль, это собрание является самым выдающимся примером библиотеки французского гуманиста¹⁵. Отсутствие следов книжных собраний столь знаменитых людей, равно как и неизвестная судьба самой богатейшей библиотеки Никола де Байя¹⁶, может косвенно свидетельствовать о том, что книги курсировали внутри определенной среды близких друзей и коллег и не выходили за пределы этого узкого круга.

Главным препятствием на пути детального изучения заявленной проблематики является крайняя ограниченность источников. По сути, о книжных собраниях высших чинов короны Франции, живших в столице королевства, мы имеем лишь отрывочные данные. Историки располагают буквально единичными описями библиотек парижских чиновников. Почти все они связаны с судебным казусом или крахом карьеры владельца библиотеки. Первая известная историкам такого рода опись книг связана с судебным преследованием Робера Ле Кока, королевского адвоката, епископа Лаонского и идейного главы Парижского восстания 1356–1358 гг. После поражения восстания его имущество было описано и конфисковано, в том числе библиотека (76 наименований книг), которую перевезли из Лаона в Париж, в дом адвоката Парламента в 1362 г., а далее ее следы теряются¹⁷. Зная, что книги Ле Кока не были ни проданы, ни присоединены к королевской библиотеке, можно предположить, что они разошлись внутри узкого круга высших чинов короны

¹² О статусе и составе библиотеки Карла V Мудрого, перевезенной им в Лувр в 1368 г. из Дворца в Ситэ см.: *Tesnière M.-H. Livre et pouvoir royal au XIVe siècle: la Librairie du Louvre // Histoire des bibliothèques françaises. T. I. Les bibliothèques médiévales du VIe siècle à 1530. Paris, 1989. P. 251–264.*

¹³ Подробнее см.: *Цатурова С. К. Офицеры власти. Парижский парламент в первой трети XV века. М., 2002. С. 314–315.*

¹⁴ См. опись его библиотеки: *Journal de Nicolas de Baye, greffier de Parlement de Paris, 1400–1417 / éd. par A. Tuetey. En 2 vols. Paris, 1885–1888. Vol. II. P. LXXVII–XCVII.*

¹⁵ *Pons N. L'historiographie chez les premiers humanistes français // L'Aube de la Renaissance / études réunis par D. Cecchetti, L. Sozzi, L. Terreaux. Genève, 1991. P. 111.*

¹⁶ До сих пор не найдено ни одной рукописи с обозначением владельческого знака принадлежности ее к собранию Никола де Байя (*Ouy G. Les premiers humanistes et leurs livres // Histoire des bibliothèques françaises. T. I. Les bibliothèques médiévales du VIe siècle à 1530. Paris, 1989. P. 277.*)

¹⁷ *Delachenal R. La bibliothèque d'un avocat du XIVe siècle. Inventaire estimatif des livres de Robert Le Coq // Nouvelle revue historique du droit français et étranger. 1887. N 11. P. 524–537.*

Франции. Точно такой же могла быть судьба и выдающегося собрания Никола де Байя, в защиту интересов наследников которого Парламент сражался несколько лет, не позволяя фиску конфисковать имущество своего образцового секретаря¹⁸.

Важнейшим косвенным источником сведений о библиотеках чиновников являются их завещания, которые были едва ли не приоритетной практикой пополнения частных собраний и обращения книг внутри этой узкой группы. Поэтому исключительную ценность имеет единственный сохранившийся в архиве Парижского парламента регистр завещаний, составленных на рубеже XIV–XV вв. Его появлению мы обязаны тому же гражданскому секретарю Никола де Байю. Избранный на этот важный пост в структуре верховного суда, он совершил немало процедурных преобразований, и одним из них стало появление отдельного регистра завещаний, находящихся под властью Парламента. До него завещания, которые либо сам завещатель, либо его душеприказчики отдали под контроль и власть Парламента, вписывались в общий регистр заседаний Совета. Никола де Бай решил завести отдельный регистр, куда вписал уже находящиеся в распоряжении Парламента завещания и стал его регулярно пополнять. В итоге в этом регистре зафиксировано 236 завещаний высших должностных лиц короны Франции, иерархов церкви, городских нотаблей и иных знатных персон за период с 1375 по 1421 гг.¹⁹

Этот ценнейший регистр завещаний давно и хорошо известен историкам и правоведам²⁰, однако в избранном здесь контексте он еще не становился предметом изучения. Из всего корпуса в 236 завещаний служителям короны Франции, находящимся на службе в момент составления завещания или бывшими таковыми в течение их карьеры, принадлежит 121 текст. Не все они подходят для заявленной темы: в некоторых завещаниях не упоминаются книги, а в ряде завещаний книги наравне с иным имуществом целиком передаются наследникам. В силу отрывочности этого собрания завещаний мне представляется неуместным делать какие бы то ни было статистические подсчеты, к которым обычно прибегали исследователи²¹.

¹⁸ Решение властей в 1419 г. оспорить завещание Никола де Байя и наложить секвестр на его имущество по надуманному предлогу (якобы крепостное состояние владельца, хотя он дважды получал грамоту об освобождении) явно было вызвано политической борьбой в Париже под властью англо-бургиньонов. Подробнее см.: *Цатурова С. К.* Офицеры власти... С. 315–316.

¹⁹ Archives Nationales de France. Série X — Parlement de Paris. X1a Parlement civil. 9807. Testaments enregistrés au Parlement de Paris et exécutions testamentaires (далее — AN X1a 9807). — Регистр сохранился не целиком, в нем отсутствуют листы 265–509. Эту лауну полностью восполняет сделанная в XVIII в. копия: Bibliothèque Nationale de France. Départements des manuscrits. Collection Moreau. 1161–1162. Copie de testaments enregistrés au Parlement (далее — BNF Moreau. 1161–1162). Самые значительные завещания, по содержанию или по принадлежности составителя, были опубликованы: Testaments enregistrés au Parlement de Paris sous le règne de Charles VI / Textes publiés par A. Tuetey // *Mélanges historiques. Choix de documents.* Paris, 1880. Т. 3. P. 241–704.

²⁰ На основе этого регистра Ф. Отран, крупнейший специалист по социальной истории Парижского парламента, написала исследование состава библиотек служителей верховного суда. См.: *Autrand F.* Culture et mentalité: les librairies des gens du parlement au temps de Charles VI // *Annales. Économies. Sociétés. Civilisations.* 1973. N 5. P. 1219–1244. Целиком на этом регистре завещаний построено исследование по социальной истории Франции позднего Средневековья: *Courtemanche D.* Oeuvrer pour la postérité: Les testaments parisiens des gens du Roi au début du XVe siècle. Paris, 1997. Историки права также обращались к этому регистру Парламента, прежде всего для изучения обычного права и завещательной практики в позднее Средневековье. См.: *Engelmann J.* Les testaments coutumiers au XVe siècle. Paris, 1903.

²¹ Так, по подсчетам Д. Куртманш, из всего корпуса в 236 завещаний книги упомянуты в 81; согласно Ж. Асанор, в этом собрании завещаний фиксируется самый высокий процент упоминания

В данном случае мы имеем дело с фрагментами, осколками, бликами большого явления, и важно понять смысл каждого фиксируемого в завещаниях факта, поставив его в широкий социокультурный контекст.

Для того чтобы полнее оценить место книг в культуре и корпоративной практике чиновников короны Франции, стоит в общих чертах обрисовать правовую специфику завещания в позднее Средневековье и контуры свободы воли завещателя. Средневековый институт завещаний возрождается в XII–XIII вв. на основе синтеза обычного и рецепирированного римского права под решающим воздействием церковной доктрины и канонического права. Это «новое» завещание, глубоко отличное от римского, характеризовалось ограничениями воли завещателя, которые накладывал обычай, изменившийся вследствие не утихавших конфликтов между церковью и наследниками. Суть этих ограничений сводилась к следующему: завещатель имел право распоряжаться по своему усмотрению только тем, что он сам приобрел за свою жизнь, равно движимым и недвижимым имуществом, а также лишь 1/5 (в ряде кутюмов — 1/3) от полученного им по наследству²². Книжные собрания вполне могли быть частью этого наследства, полученного от предков, а следовательно, основой стабильного положения семьи и рода, тем более что во Франции уже сложились династии служителей короны. Поэтому отсутствие упоминаний о книгах в завещаниях ряда высокопоставленных персон не означает, что книг у них не было.

Хотелось бы подчеркнуть обстоятельство, подчас упускаемое из виду исследователями: несмотря на стремительное увеличение мирских статей, что даже породило соперничество и сосуществование двух компетенций в сфере исполнения завещаний — светской и церковной — само по себе средневековое завещание оставалось чисто духовным актом. Религиозный характер завещания выражался в его сути: обеспечить спасение души завещателя с помощью отчислений на молитвы за помин его души и раздачи милостыни²³. Такова была цель и всех мирских статей завещания — забота о спасении души завещателя. В этом контексте появление отдельных статей о дарении книг заслуживает самого пристального внимания, поскольку они наравне с передачей денег, земель, домов, обстановки и одеяний призваны были обеспечить память о дарителе и спасение его души.

Из текстов завещаний мы можем составить некоторое представление о бытовании книг в повседневной жизни королевских чиновников²⁴. Об этом говорят упоминания в текстах завещаний, где конкретно находится та или иная книга, которую составитель завещания дарит. Благодаря этим деталям можно констатировать, что

книг — 33%; для сравнения: в Лионе за 250 лет (1301–1545 гг.) книги упомянуты только в 3% завещаний. См.: *Courtemanche D. Oeuvrer pour la postérité*. P. 171; *Hasenhor G. L'essor des bibliothèques privées aux XIVe et XVe siècle*. P. 230.

²² Эта норма обычая зафиксирована в правовом трактате конца XIII в. выдающегося юриста и королевского чиновника Филиппа де Бомануара, где отдельный раздел посвящен завещаниям. См.: *Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Clermont en Beauvaisis / publ. par A. Salmon*. T. I–II. Paris, 1899–1900. T. I. Ch. XII. P. 3.

²³ На это изменение характера завещания, превратившегося усилиями канонистов в чисто религиозный акт, справедливо обратил внимание Г. Дж. Берман (*Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М., 1998. С. 224–225*).

²⁴ О ценности книг в глазах чиновников можно судить по такой детали: в завещании адвоката Парламента Жана де Нейи-Сен-Фрона, обладателя богатейшей библиотеки и щедрого ее дарителя, сказано, что он вел инвентарь всех своих книг, который хранил в железном сундуке в Сокровищнице церкви Парижа (*in thesauro Ecclesie Parisiensis*) вместе с 3 тыс. франков (*Testaments... P. 320*).

нередко в домах чиновников уже имелись отдельные помещения для книг — библиотеки²⁵. В завещании адвоката Парламента Жана де Нейи-Сен-Фрона сказано, что он дарит целый ряд книг, конкретно находящихся в его кабинете (*en mon estude*). Книги по гражданскому и каноническому праву располагались в кабинете первого президента Парламента Жана де Попинкура явно как главный инструментарий правоведа²⁶. Но книги «жили» рядом с владельцем, находясь там, где это было ему удобно: так, мэтр Счетной палаты Жан Крете дарит коллеге свой Бревиарий, «по которому регулярно читал молитвы и который находится в его спальне»²⁷. Самое полное представление об особом образе жизни высших должностных лиц короны Франции дает завещание президента Парижского парламента Адама де Бодрибоса. Щедро распределяя книги по завещанию, он указывает и их конкретное местоположение. Из его указаний явствует, что книги были в его доме буквально повсюду: в сундуках и в комнате брата, на скамьях в его личной комнате рядом с прихожей, частью — в его кабинете, частью — в спальне²⁸.

Не менее важны сведения о том, каким образом и в каком качестве некоторые книги оказались в руках составителя завещания. Поскольку книги были «рабочим инструментарием» чиновников, а кроме того, могли быть взяты с целью их копирования, мы обнаруживаем в текстах завещаний множество упоминаний о книгах, которые не принадлежат самому дарителю и находятся у него то в виде залога или займа, то в качестве вознаграждения за услуги. Так, президент Парламента Адам де Бодрибос распорядился, чтобы душеприказчики разрешили его брату забрать свои книги, и «пусть поверят ему на слово»²⁹. В завещании советника Парламента Гийома де Лируа сказано, что одна из книг по праву в его собрании (комментарии на «Институции») принадлежит мэтру Бозону де Монтифике. Президент Следственной палаты Парламента Жан де Сен-Врен распорядился найти среди своих книг и вернуть находившиеся в залоге «старые Дигесты» адвокату Ансельму из Витри, а также «Lectura папы Иннокентия» возратить Гийярду Прозину, «если смогут его найти»; кроме того, он просит уплатить 30 ливров Гийому де Три или его наследникам за несколько книг, оставшихся у него в залоге³⁰. Прокурор Парламента Филипп Вилат дарит по завещанию аббату Ключни книги, которые в числе прочего имущества находились у него в качестве оплаты хлопот по судебному делу другого лица³¹.

²⁵ Исследователи датируют появление в домах придворных, советников, парламентариев и иных чиновников отдельных помещений — кабинетов для профессиональных занятий и для хранения книг рубежом XIV–XV вв. (*Hasenhor G. Lessor des bibliothèques privées aux XIVe et XVe siècle. P. 216*). Согласно посмертной описи имущества гражданского секретаря Парламента Никола де Байя, у него в доме было целых три кабинета для книг.

²⁶ Адвокат завещал книги по гражданскому и каноническому праву, включая Декреталии и Климентины, коллежу Прель и коллеге мэтру Ли — книги по логике и философии («une Logique rouge et une Philosophie naturelle, qui sont en mon estude»). Президент Парламента распределил книги по праву между племянниками (*Testaments... P. 314, 316, 340*)

²⁷ «Item, à messire Pierre Boure son breviaire où il dit continuellement ses heures, qui est sur un petit lettrin en sa chambre à Paris» (*Testaments... P. 435*).

²⁸ *Testaments... P. 592*.

²⁹ «...Et qu'il soit creu par son simple dit quant il l'afferrera» (*Testaments... P. 592*).

³⁰ *Testaments... P. 270; BNF Moreau. 1162, f. 433v–434*. — Если же не смогут найти этих людей, тогда он просит книги продать и отдать деньги бедным на молитвы.

³¹ По сути, речь шла о заработанных им деньгах в виде книг (*Testaments... P. 517*).

Довольно часто чужие книги оказывались в руках чиновников вследствие исполнения ими функций душеприказчиков. Так, прокурор Парламента Жан дю Берк взял в залог Роман о Розе и ряд «старых книг» в счет статей завещания мэтра Пьера де Корби, всего на сумму около 12 франков, и распорядился продать эти книги и оплатить мессы за упокой души завещателя и его родни³². У президента Парламента Адама де Бодрибоса, бывшего душеприказчиком у мэтра Мартена Газеля, остались несколько книг, которые он взял себе в оплату хлопот, а теперь просит своих душеприказчиков вернуть книги, но взять в том расписку, «ибо долго трудился и наилучшим образом» над исполнением чужого завещания³³.

В плане многофункциональной роли книг в собраниях чиновников самым красноречивым представляется завещание обладателя обширной библиотеки и щедрого дарителя адвоката Парламента Жана де Нейи-Сен-Фрона. Он просит душеприказчиков внимательным образом просмотреть все книги в его доме, особенно их начало и конец, где должно быть указано, если они принадлежат не ему, а также его рукой помечено, находятся ли книги в залоге, за какую сумму и от кого; а затем он распорядился все чужие книги вернуть, таким образом простив и долги, что было важнейшей статьёй завещаний³⁴. Точно также опись библиотеки гражданского секретаря Никола де Байя свидетельствует, что несколько книг в его собрании были чужими либо находились у него в качестве залога³⁵.

Переходя к вопросу о целях дарений книг по завещаниям, как они описаны в текстах или какими выглядят на взгляд исследователя, стоит иметь в виду, что все цели тесно взаимосвязаны, будь то прагматичная задача отдать книгу в руки профессионала либо забота о воспроизводстве чиновной среды, закрепление уз дружбы или сохранение памяти. Помня об этой многоплановой роли книг, выделим основные характерные черты в стратегиях их дарения по завещаниям чиновников.

Первое, что бросается в глаза, это отчетливый прагматизм — завещание книг тому, кому они нужнее всего. Как свидетельствуют подобные распоряжения, основой образования и карьерного роста чиновников, равно в государственной и церковной иерархии, было право, гражданское и каноническое, занимавшее центральное место в их книжных собраниях³⁶. Так, Доминик де Моншове, королевский нотариус, выделил в отдельную статью завещания дарение сыну книг по праву и грамматике, «чтобы сделать ему приятное»³⁷. Советник Парламента Гий-

³² «...D'un Rommant de la Rose, et autres vielx livres» (Testaments... P. 526).

³³ Среди книг упомянуты *Consiliateur* и *Liber qui dicitur Octo tractuum*; «prennent bonne quittance et discharge, qar je u ay vacqué longuement et u ay fait le mieulx que j'ay peu» (Testaments... P. 592).

³⁴ «Item, soient veuz et regardez diligemment les commancemens et les fins des livres, car l'en trouvera, s'il y a aucun qui ne soit point mien, escript de ma main s'il est en gage, et pour quelle somme, et par qui, et à cui il doit estre renduz» (Testaments... P. 319).

³⁵ В качестве залога за сумму в 50 франков Никола де Бай получил от казначея и советника Парламента Майё дю Боска «Библию в переплете из белой кожи», Псалтырь и «комментарий Никола де Лира на Библию и Пророчества»; кроме того, в заеме от церкви Сен-Мор-де-Фоссе — «Послания св. Киприана»; в счет долга мэтра Дрю — «Генеалогия Библии» (*Journal de Nicolas de Baye...* Vol. 2. P. LXXVII–LXXVIII, LXXXII, LXXXVIII). Все долги были прощены и книги возвращены.

³⁶ Так, по подсчетам Ф. Отран, книги по гражданскому и каноническому праву занимали первое место в составе библиотек судебных чиновников в Париже (*Austrand F. Culture et mentalité...* P. 1231–1232). Как образно вторит Ж. Асанор, «Кодекс» и «Декрет» были гарантами любой карьеры, церковной или гражданской (*Hasenhor G. Lessor des bibliothèques privées...* P. 225, 233).

³⁷ «...Il laissa et donna à Poncelet son filz son grosime glose, ses gloses de Doctrinal escriptes en papier et tous les autres livres de grammaire pour en faire son plaisir» (BNF Moreau. 1161, f. 510v–511).

ом де Лируа дарит «все книги по каноническому и гражданскому праву» своему родственнику и коллеге Гийому Бургелю; так же поступает и мэтр Счетной палаты Пьер дю Шатель, даря книги по каноническому и гражданскому праву кузену-студенту явно правовой школы, поскольку он исключил из дарения книги по медицине; таким же образом распорядился своими книгами по гражданскому и каноническому праву адвокат Парламента Жан де Нейи-Сен-Фрон, завещав их племяннику. У первого президента Парламента Жана де Попинкура было два племянника-студента правовых факультетов, и он распределил между ними книги так: одному племяннику, учащемуся в Орлеанском университете, он завещал все книги по каноническому праву, соответственно его брату — курс по гражданскому праву³⁸. Прагматичный подход чиновников к дарению книг прямо заявлен в завещании президента Парламента Адама де Бодрибоса. Он распорядился одарить племянника «всеми книгами по медицине, если он захочет стать медиком», а если пожелает стать декретистом, тогда получит все книги по праву, «Декреталии, Шестую книгу, Климентины и Декрет — все с глоссами»³⁹. По сути, ту же цель преследовали и отчисления по завещанию определенных сумм денег на приобретение книг: королевский секретарь Жан де Куафи выделил своему крестнику, сыну экюйе Жана де Монтени, 10 экю «на покупку книг»; точно так же поступил и мэтр Счетной палаты Жан Крете, отписав своему крестнику и племяннику 50 франков на книги⁴⁰.

В этой важнейшей черте распределения книг по завещаниям проступает забота о поддержании, сохранении и приумножении культурного капитала внутри корпуса служителей короны Франции, как и воспроизводстве на его основе самой чиновной среды. Не случайно поэтому племянники стали привилегированной группой одариваемых книгами, ведь не меньше половины служителей короны были лицами духовного звания. Возможно, эта прагматичность опиралась на норму обычая, согласно которой нельзя было передавать предметы культа мирянам; точно также книги духовного содержания якобы следовало сохранять внутри клира, хотя тексты завещаний опровергают этот тезис⁴¹. Стоит отметить, что книга в среде чиновников ценится не как материальный объект, не по своей цене, а за содержание, как хранилище знания.

³⁸ «Item, legavit... consaguineo suo, omnes libros suos juris canonici et civilis»; «je lui lesse tous mes livres de droit canon et civil... excepté les livres de medicine»; «tous mes livres de droit civil et canon»; «il donne et laisse à Guillemain le Clerc, son nepveu, estudiant à Orleans, tous ses livres de droit canon... sauf toutesvoies son cours de loys et son signé... lesquelx... donne et laisse à Aubelet le Clerc, frere du dit Guillemain» (Testaments... P. 269, 275, 313, 340).

³⁹ «...Je laisse à maistre Adam, mon nepveu... s'il veult estre medecin... mes livres de medicine... et s'il a plus chier à estre decretiste, je lui laisse mes Decretales, mon Sizieisme, mes Clementines et mon Decret, tout glosez» (Testaments... P. 593).

⁴⁰ «...Il donna et laissa à Jehannin, son filleul, filz de Jehan de Montegnny, escuier, X escus pour acheter des livres pour lui»; «il laissa à Jehannin Rousseau, son filleul... pour avoir des livres, cinquante frans» (Testaments... P. 368, 435).

⁴¹ Легист Ф. Бомануар в число ограничений свободы воли завещателя включил запрет дарить священные предметы не клиру, например украшения для капеллы, если у человека нет капеллы (*Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Clermont en Beauvaisis*. P. 202–203). Ж. Асанор утверждает, что существовал негласный запрет дарить священные книги мирянам (*Hasenhor G. L'essor des bibliothèques privées aux XIVe et XVe siècle*. P. 224–225).

Книги целенаправленно передавались в руки тех, кто учился или мог сделать карьеру чиновника. Так, прокурор Парижского университета Жан Гийо одарил племянника, студента Наваррского коллежа, наряду с деньгами на содержание во время учебы также Библией и всеми остальными книгами, которые останутся после исполнения завещания и которые сочтут ему необходимыми душеприказчики. А секретарь по представлениям Парижского парламента Никола де Леспуас завещал племяннику, которому некогда оплатил обучение ремеслу обувщика и суконщика, книгу «Роман об Александре», «чтобы он развлекался и научился читать»⁴².

Нередко о прагматичной цели воспроизводства чиновной среды посредством дарений книг прямо сказано в текстах завещаний. Например, королевский адвокат в Парламенте Жан Перье одарил племянника наряду с деньгами книгами, «какие ему понадобятся в учебе» и «для его продвижения»; советник Парламента Рено Рабей отдал все свои книги по гражданскому и каноническому праву племяннику «для учебы и получения степени», обязав его так же в будущем поступить и со своими книгами, если его племянники тоже будут учиться; а бывший адвокат в Парламенте Дени де Рюиль выразил пожелание, чтобы брат пошел учиться, и подарил ему для этой цели деньги и книгу «Декреталий»⁴³.

В контексте вышесказанного не должен удивлять тот факт, что самое большое число дарений книг по завещаниям чиновников сделаны в пользу родственников, друзей и коллег. По сути, это и был тот тесный круг близких по духу людей, которых объединяли образование, культура и образ жизни. В таких дарениях невозможно отделить прагматичную цель отдать книгу в руки профессионала или обеспечить молитвы за спасение души от семейной и групповой *memoria* — особой формы поддержания памяти о человеке с помощью книги. Передача книг внутри линьяжа и рода закрепляла социальное возвышение семьи, но книги также скрепляли узы дружбы и превращали дар книги в долговечное «вложение», продлевая память о человеке внутри группы. Таким образом, дарения книг свидетельствуют о важности культуры для закрепления личных связей внутри корпуса чиновников и в конструировании корпоративной памяти.

Итак, советник Парламента Гийом де Лируа просит вернуть книгу по праву (*Directorium Juris*) своему кузену Жану Гулену, хотя тот недавно подарил ее ему, очевидно сознавая значимость этой книги для профессионала⁴⁴. Никола де Леспуас, секретарь по представлениям в Парламенте, дарит племяннику «Поликратик» Иоанна Солсберийского, «чтобы он хранил память и нем и молился за его душу»; кроме того, он дарит своему клерку и помощнику Жаку Филиппу «Декрет» Грациана, подробно уточняя сколько и каких именно молитв ожидает в ответ; коллеге Перрену Пишону он дарит «Утешение философией» Боэция и правовой трак-

⁴² «...Je laisse à Gilet de Savigny, mon neveu, escolier à Navarre, pour lui aidier à faire ses faiz à l'escole... ma Bible, et tout mes autres livres et papiers non laissez... que mes executeurs verront qui lui seront necessaires»; «il laissa à Thevenin... son roman d'Alixandre pour esbatre et aprendre à lire» (*Testaments...* P. 377–378, 608).

⁴³ «...Il laissa à Maistre Philippe son neveu... pour son avancement... avecques les livres qu'il lui à bailliez pour son usage à l'escole»; « volo et ordino quod eidem nepoti meo tradentur libri mei juris canonici et civilis vel alteri in tuta custodia»; «in casu tamen quod ibit ad studium generali... iret ad scolares... Decretales» (*BNF Moreau. 1161, f. 732; Moreau. 1162, f. 266v–267, f. 370, 373v–374*).

⁴⁴ *Testaments...* P. 270.

тат «Стиль Парламента», другому коллеге — «Историю Трои» (“Istoire de Troyes la grant”) и «Заморскую историю» (“Histoire d’oultremer”), а первому клерку Жильберу Ле Норману — *Manipulus floriarum*, разрешив душеприказчикам раздать оставшиеся книги по своему усмотрению⁴⁵.

Адвокат Парламента Жан де Нейи-Сен-Фрон весьма щедро распределил свою богатую библиотеку: он просил вернуть монаху-францисканцу Жану Бобану римский бревиарий в двух томах, хотя он и купил у него книгу за 10 экю золотом; кроме того, он подарил гражданскому секретарю Парламента Никола де Байю сочинения Оккама, а архиепископу Реймскому — «Римскую историю»; другому своему коллеге — мэтру Филиппу де Буагийу — он завещал свою «Библию, которую любил больше всех прочих книг», а также «Утешение философией» Боэция и «Сборник обычаев Нормандии»; своему капеллану, «если будет проживать со мной в момент смерти», — маленькие Декреталии, «Золотую легенду и книгу проповедей, начинающуюся со слов «Свершил Соломон»; своему клерку и слуге Перрену Жоссу — Экспозицию на книгу «О Граде Божьем», Псалтырь, «Роман о Розе», еще один экземпляр «Утешения философией» Боэция — «на французском языке в стихах». Помимо этого, в его завещании упомянуты еще девять коллег, кому он дарит книги, среди которых фигурируют сочинения Лактанция, Рабана Мавра, Марсилия Падуанского, Бэкона, Исидора Севильского. В конце распоряжений даритель сделал существенную оговорку: «все книги переданы в их личное пользование»⁴⁶. Жан Канар, королевский адвокат в Парламенте, завещал свой аррасский бревиарий и Библию, которую «любил брать с собой, выходя из дома» мессире Мартену Кузену, капеллану церкви Арраса, а архидьякону церкви Арраса — «Декрет довольно красивый». В его же завещании содержится самое поразительное по амбициям и статусу дарителя распоряжение: будучи очень богатым и высокопоставленным лицом, он вначале осмелился назвать в числе своих душеприказчиков герцога Бургундского, но затем посчитал эту миссию тому «не по рангу» и завещал ему книгу «О Граде Божьем» Августина на французском языке в двух томах, «не за ее ценность, но для его удовольствия, ведь там много прекрасных историй», и «дабы он хранил память обо мне»⁴⁷. Как видим, книга играла важную роль в самоидентификации чиновника и в сохранении памяти о нем.

О том, насколько значима была книга в кругу королевских чиновников, свидетельствует и такая любопытная практика, как завещание книг душеприказчикам с целью стимулировать их взять на себя эту хлопотную и ответственную миссию. В среде служителей короны сложилась устойчивая практика выбирать в душеприказчики своих друзей и коллег, — как правило, буквально из того же ведомства, где служил и сам составитель завещания. Такая практика была своеобразным юридическим закреплением дружбы и корпоративной солидарности, ведь душеприказчик призван был стать «представителем персоны» завещателя и вступал во владение и сейзину всего имущества, фигурирующего в завещании⁴⁸. Нередко на

⁴⁵ Среди прочих дарений упоминаются *Somme au Breton*, *Epistres de Pierre de Blois et de Vineis* (Testaments... P.608–615).

⁴⁶ «...Et soit adverti que c'est en leurs noms privez» (Testaments... P.313–316).

⁴⁷ «...Afin qu'il ait memoire de lui... non pas pour la valeur mais pour sa plaisance, et qu'il y a moult de belles histoire» (Testaments... P.393–394, 397).

⁴⁸ Подробнее об этом см.: Цатурова С. К. Правовая компетенция и социальные функции душеприказчиков (по завещаниям королевских должностных лиц во Франции конца XIV — начала

волю душеприказчика отдавалось и право распорядиться значительной частью завещанного имущества, в том числе и книгами, что доказывает выработку внутри корпорации норм конструирования памяти.

Материальная компенсация за эти хлопоты обычаем не предусматривалась, но завещатель либо выделял определенные суммы денег душеприказчикам, либо предлагал им самим возместить понесенные расходы. Однако в ряду подобных распоряжений фигурируют и дарения книг как особо ценного предмета и залога долгой памяти о завещателе. Самыми востребованным и долговечными в этом плане были книги литургического и духовного характера как самые близкие персоне завещателя. Так, прокурор Парижского университета Жан Гийо стимулирует своего кузена мессира Жана де Рю, каноника церкви в Монтеро, стать главным душеприказчиком с помощью щедрых дарений, в число которых входят и книги духовного содержания⁴⁹. Прокурор Парламента Филипп Вилат дарит душеприказчику Гийому де Годиаку, декану церкви Сен-Жермен-Локсерруа, явно вожеленную книгу — «Сумму», которой у того нет⁵⁰. Клерк Палаты прошений Парламента Гийом де Во дарит отцу, которого назначает душеприказчиком, Часослов, маленькую Псалтырь и «Паломничество души»⁵¹. Но в среде служителей короны столь же «священными» и долговечными были книги и иного содержания. Поэтому президент Парламента Адам де Бодрибос стимулирует брата наилучшим образом исполнить его завещание и молиться за спасение его души таким способом: он предлагает брату самому выбрать в его библиотеке любые шесть книг, будь то «по теологии, морали, поэзии или истории»⁵². А Никола де Леспуас, секретарь по представлениям Парламента, стимулирует добросовестность душеприказчика мэтра Жана де Кения с помощью дарения книг по истории⁵³. Бывший адвокат Парламента Дени де Рюиль отписывает брату, мэтру Пьеру де Рюиль, книгу Боэция с тем, однако, условием, «если он согласится быть душеприказчиком»⁵⁴. Наиболее отчетливо такое соединение прагматичной цели стимулировать душеприказчиков и одновременно сохранить о себе долгую память зафиксировано в завещании адвоката Парламента Жана де Нейи-Сен-Фрона. Он дарит своему коллеге Жану Хью «Сумму исповедника» только в том случае, если тот согласится быть его душеприказчиком; с той же целью он дарит капитулу церкви Суассона множество книг, а клиру церкви Эссона — «Историческое зеркало» Винсента из Бове в четырех томах, «Сумму грехов», «Сумму добродетелей», книгу проповедей и Псалтырь с глоссами, «дабы наилучшим образом исполнили» завещание⁵⁵.

XV в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 6(60). Европейское право эпохи Средних веков и Нового времени: между нормой и практикой. URL: <http://history.jes.su/s207987840001913-3-1> (дата обращения: 10.11.2017).

⁴⁹ Среди них названы Санский Бревиарий в двух томах с пометами, Псалтырь и другие книги (Testaments... P. 376)

⁵⁰ «...Lego et dono magni honoris viro meo specialissimo... *Summat*, quia ipse nullam habet, ut credo» (Testaments... P. 519).

⁵¹ Testaments... P. 588.

⁵² «...Je veul qu'il choisisse entre mes livres six de telz comme il lui plaira, soit de theologie ou moraulx, ou pouetes, ou histoire, afin qu'il face le mieulx qu'il pourra en mon execucion, et affin qu'il prie pour l'ame de moy» (Testaments... P. 592).

⁵³ Речь идет об «Истории великой Трои» и «Заморской истории» (Testaments... P. 609).

⁵⁴ «...In casu tamen quod se onerabit de execucione mea» (BNF Moreau. 1161, f. 370v).

⁵⁵ «...Pour mieux faire ce que j'ay ordonné» (Testaments... P. 314).

В этом последнем случае мы сталкиваемся с краеугольной целью всех дарений по завещаниям — обеспечить молитвы за спасение души завещателя и сохранить долгую память о нем. Разумеется, наиболее адекватно этой задаче отвечали дарения книг церквям и их капитулам как самому «вечному» институту, в котором дольше всего сохраняется память об ушедшем. Поэтому адвокат Парламента Жан де Нейи-Сен-Фрон, при жизни уже передавав книги церкви Парижа, по завещанию распорядился присоединить к прежнему дару еще и свой *Catholicon*⁵⁶. В завещании Жана де Куафи, королевского секретаря, щедро одарившего книгами церковного содержания основанную им капеллу в Куафи, особо оговорено, чтобы все эти книги были включены в ее имущество, явно для сохранения долгой памяти о нем⁵⁷. Ту же цель сохранения памяти преследует и дарение книг секретарем по представлениям в Парламенте Никола де Леспуасом в пользу его приходской церкви Сент-Этьен и монастыря св. Женеьевы в Париже: он просит поместить их в библиотеку, дабы «навечно сохранять память о нем и молиться за спасение его души»⁵⁸. Жан Канар, в прошлом королевский адвокат в Парламенте, а ныне епископ Аррасский, щедро распределил свою библиотеку между разными храмами и капитулами. Он передал в фонд епископства Арраса, капитулу церкви Нотр-Дам в Аррасе и монастырю Сен-Реми в Реймсе «навечно в пользование потомков», среди прочего имущества, и книги, «дабы его потомки в будущем были обязаны молить Бога о спасении его души... и сохраняли долгую память и нем». Поскольку аббатом монастыря Сен-Реми в Реймсе был на тот момент племянник Жана де Куафи, то щедрые дары книг аббатству сопровождаются в тексте завещания особым условием: эти книги аббат не имеет права отчуждать, и после его смерти они должны навсегда остаться здесь⁵⁹.

Наконец, в дарениях книг университетам и коллегам как в капле воды соединились все главные цели завещательной практики чиновников: прагматичная задача передать книгу в руки специалистов, воспроизводство своей среды и сохранение корпоративной памяти. По сути, университеты и коллежи приобрели в глазах чиновников ту же «вечную жизнь», как и церковные институты. Наряду с содержанием родственников и друзей в школах, а также безадресными дарениями денег «бедным студентам» различных коллежей чиновники дарят им книги⁶⁰. Если советник Парламента Дени де Паси подарил лишь Декрет Грациана приюту св. Духа на Гревской площади, то адвокат Жан де Нейи-Сен-Фрон жертвует целые библиотеки различным коллегам. Школе Прель он дарит книги по гражданскому праву, Декреталии и Климентины с комментариями, труды Орозия и Цицерона с условием, чтобы все книги были включены в библиотеку; коллежу Дорман сре-

⁵⁶ Testaments... P.314.

⁵⁷ Он дарит капелле «прекрасный Бревиарий в двух томах, с примечаниями, для чтения молитв», Псалтырь с глоссами и все прочие свои церковные книги «pour estre mis et enchaenez en la dicte chapelle» (Testaments... P.364).

⁵⁸ «...Et avoir memoire de lui à tousjours et prier pour son ame» (Testaments... P.609–610, 613).

⁵⁹ Среди книг, подаренных епископству Арраса, фигурирует сочинение Гийома Дюрана «Rationale divinatorum officiorum», в дарах церкви Нотр-Дам — *Moralia Gregorii*, Чтение на Книгу Левита, *Josephim Antiquitatum* и «Жизнь Цезарей»; среди щедрых даров аббатству в Реймсе — Розарий на Декрет Грациана, «Морализованный Катон», «Утешение философией» Боэция, «Золотая легенда», «О Троице» Августина, «История Трои», «Мартиниана» и другие (Testaments... P.386–392).

⁶⁰ Подробнее см.: Цатурова С.К. Формирование института государственной службы... С. 498–502. Ту же тенденцию отмечает и А. Шарон (*Charon A. Usage du livre en France. P.468–469*).

ди прочего — труды Оригена, книги по астрономии и «Сон Сципиона» Макробия; коллежу Даркур — произведения Цезаря («Галлия») и Сенеки; студентам школы св. Николая в Суассоне — несколько произведений Овидия и Лукана. В ту же тенденцию вписывается и завещание Гийома де Дормана, передавшего все свои книги по теологии основанному его предком коллежу Дорман⁶¹.

Подводя итог сделанным наблюдениям завещательной практики чиновников, можно констатировать, что самоидентификация королевских должностных лиц периода позднего Средневековья строилась не в последнюю очередь вокруг культурного капитала, вокруг образования и книги как знаков принадлежности к властной и интеллектуальной элите. Выработанные внутри корпорации служителей короны Франции правила и обычаи распределения заработанного на службе достояния свидетельствуют о специфике культуры, образа жизни и *memoria* этой активно формирующейся социальной группы французского общества.

References

- Autrand F. Culture et mentalité: les librairies des gens du parlement au temps de Charles VI. *Annales. Économies. Sociétés. Civilisations*, 1973, no. 5, pp. 1219–1244.
- Benvenist E. *Slovar' indoevropejskikh social'nyh terminov*. Moscow, Progress-Univers Publ., 1995, 452 p. (In Russian)
- Berman G. Dzh. *Zapadnaya tradiciya prava: ehpora formirovaniya*. Moscow, Moscow University Press, 1998, 622 p. (in Russian)
- Burdè P. *Sociologiya social'nogo prostranstva*. Transl. from fr.; ed. by N. A. Shmatko. Moscow; St.Petersburg, Institut ehksperimental'noj sociologii; Aleteja, 2007, 288 p. (In Russian)
- Caturova S. K. *Formirovaniye instituta gosudarstvennoj sluzhby vo Francii XIII–XV vekov*. Moscow, Nauka Publ., 2012, 622 p. (In Russian)
- Caturova S. K. *Oficery vlasti. Parizhskii parlament v pervoi treti XV veka*. Moscow, Logos, 2002. (In Russian)
- Charon A. Usages du livre en France au XVe siècle. *Pratiques de la culture écrites en France au XVe siècle: Actes du Colloque international du CNRS, Paris, 16–18 mai 1992* / éd. par M. Ornato et N. Pons. Louvain-la-Neuve, 1995, pp. 459–472.
- Courtemanche D. *Ouvrer pour la postérité: Les testaments parisiens des gens du Roi au début du XVe siècle*. Paris, L'Harmattan, 1997, 247 p.
- Delachenal R. La bibliothèque d'un avocat du XIVe siècle. Inventaire estimatif des livres de Robert Le Coq. *Nouvelle revue historique du droit français et étranger*. 1887, no. 11, pp. 524–537.
- Engelmann J. *Les testaments coutumiers au XVe siècle*. Paris, Thèse de doctorat, 1903, 286 p.
- Fossier R. *Histoire sociale de l'Occident médiéval*. Paris, Librairie Colin, 1970, 383 p.
- Hachaturyan N. A. Sovremennaiia medievistika Rossii v kontekste mirovoi istoricheskoi nauki. *Srednie veka*. Iss. 62. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 195–212. (In Russian)
- Hachaturyan N. A. Srednevekovyi korporativizm i processy samoorganizacii v obshchestve. Vzgl'yad istorika-medievista na problemu kollektivnogo sub'ekta. Hachaturyan N. A. *Vlast' i obshchestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka*. Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 31–45. (In Russian)
- Hasenhor G. Lessor des bibliothèques privées aux XIVe et XVe siècle. *Histoire des bibliothèques françaises. T. I. Les bibliothèques médiévales du VIe siècle à 1530*. Paris, Promodes, 1989, pp. 215–263.
- Le Goff Zh. *Intellektualy v Srednie veka*. Dolgoprudnyi, Allegro-Press, 1997, 210 p. (In Russian)
- Matthias Corvin, *les bibliothèques princières et la Genèse de l'État moderne*. Contributions au Colloque international, Paris, 15–17 novembre 2007 / publ. par J.-F. Maillard et al. Budapest Budapest, Orszagos Szechenyi Kinyvtar Publ., 2009, 340 p.
- Ouy G. Paris, l'un des principaux foyers de l'humanisme en Europe au début du XVe siècle. *Bulletin de la Société de l'Histoire de Paris*. 1967–68 (1970), pp. 71–98.
- Ouy G. Les premiers humanistes et leurs livres. *Histoire des bibliothèques françaises. T. I. Les bibliothèques médiévales du VIe siècle à 1530*. Paris, Promodes, 1989, pp. 267–284.

⁶¹ Testaments... P. 314–316; BNF Moreau 1161, f. 18v; AN X1a 9807, f. 157v.

- Pons N. L'historiographie chez les premiers humanistes français. *L'Aube de la Renaissance / études réunis par D. Cecchetti, L. Sozzi, L. Terreaux*. Genève, Slatkine, 1991, pp. 103–122.
- Repina L. P. “Novaya istoricheskaya nauka” i social'naya istoriya. Moscow, IVI RAN Publ., 1998, 278 p. (In Russian)
- Tesnière M.-H. Livre et pouvoir royal au XIVe siècle: la Librairie du Louvre. *Histoire des bibliothèques françaises. T. I. Les bibliothèques médiévales du VIe siècle à 1530*. Paris, Promodes, 1989, pp. 251–264.
- Zemon Davies N. Beyond the Market: Books as Gifts in Sixteenth-Century France. *Transactions of the Royal Historical Society*, 1983, 5th Series, no. 33, pp. 69–89.

Статья поступила в редакцию 27 ноября 2017 г.
Рекомендована в печать 30 марта 2018 г.